

ОТВЕТ МОИМ ОППОНЕНТАМ

Е. А. МАМЧУР

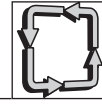
Думаю, что вдаваться в подробную полемику по поводу сделанных мне замечаний не имеет особого смысла: фактически ответы уже содержатся в представленной мною статье.

Возможно, статья не совсем так понята. Социальной эпистемологией занимаются Д. Блур, Б. Барнс, С. Шейпин, работы которых мне не нравятся своими крайними выводами, поскольку они редуцируют когнитивное к социальному. Критикуются они и очень многими западными философами науки. В работах же вашего сектора я такого сведения не заметила. В этом смысле его проблематика отличается от проблематики социальной эпистемологии. Я уже высказывала эту мысль на презентации книги Касавина¹. Я предположила тогда, что ее автор осуществляет скорее социологический (в смысле: остается в рамках социологии познания), а не социально-эпистемологический анализ языка. Тогда это почему-то не вызвало возражений. Но если участникам проекта нравится больше название социальная эпистемология – это их право.

Есть и другие замечания, основанные, по крайней мере частично, на недоразумении. Так, рецензенты прилагают немалые усилия, чтобы убедить меня, что знание не является «слепок с действительности» (Н. М. Смирнова), что его получение опосредовано культурой, что субъект познания – это представитель общества, взятого на том или ином этапе его развития (И. Т. Касавин). Но я как раз обо всем этом и пишу в статье, да и в других своих работах. Более того, я выделяю различные по силе уровни воздействия социального на научное.

Я согласна с тем, что в эпистемологии происходят изменения (О. М. Столярова). Они и должны происходить, поскольку и объект

¹ Мамчур Е. А. Социальная эпистемология или социология языка?// Панельная дискуссия. Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XIX. № 1.

ОТВЕТ МОИМ ОППОНЕНТАМ

исследований, и субъект познания меняются. Вот только говорить о том, как они изменились со времен классической науки, *без анализа реального процесса познания* – непродуктивно: мы рискуем создать очередной миф о научном познании. В частности, мнение о том, что теперь уже идеал единства научного знания в науке не работает и в ней утвердился неустранимый плюрализм, – просто не соответствует действительному положению дел в науке. По крайней мере, в естествознании. Например, главной заботой физиков-теоретиков, разрабатывающих квантовую теорию гравитации (передний край развития физики и космологии), является как раз наличие множественности подходов к строящейся теории, которое физики изо всех сил стремятся преодолеть.

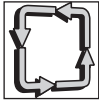
Согласна с И. Т. Касавиным в том, что плюрализм философских систем это хорошо, особенно если речь идет не об университетской философии. Но ведь, в отличие от философии, у философии науки и эпистемологии есть вполне конкретный предмет исследования – научное познание. И думаю, все мы заинтересованы в эпистемологии, адекватной современной науке.

Удивлена точкой зрения, что субъектом познания в современной науке выступает отдельный индивид (О. В. Столярова). Конечно, познает отдельный человек, но ведь познает он как представитель человеческого общества, как носитель культуры. Об этом, кстати, хорошо пишет и И. Т. Касавин (см. его замечания).

Вопрос о том, чем должна заниматься философия науки, требует отдельного обсуждения. Проблематика сектора философии естествознания отнюдь не ограничивается некими частными вопросами физики, космологии, математики. Его сотрудники обсуждают эпистемологические и онтологические вопросы – проблемы реализма; взаимоотношения науки и метафизики, теоретического и эмпирического; проблему существования исследуемых объектов и т.д. – но только не вообще, а как они встают в современном научном познании.

Насколько актуальна такая проблематика? В известной мере я могу судить об этом, так как являюсь постоянным участником ежегодной европейской Международной конференции по философии науки (организуемой Межуниверситетским Центром Научных Исследований (ИУС)), поскольку я – постоянный член ее Оргкомитета. Так что в известной мере могу судить. Интерес к этой проблематике не только не падает, напротив, в связи с новыми открытиями в физике, космологии, биологии и т.д. – возрастает.

Проблема существования таких новых гипотетических объектов космологии, как «темная материя» и «темная энергия»; особенности обоснования теоретического знания в этих же дисциплинах в условиях дефицита необходимого эмпирического базиса; выход в область планковских масштабов величин, требующий для своего осмысления обязательного обращения к метафизике; вопросы об истоках самой

этой метафизики – вот чем занимается сейчас сектор. Естественно, все это делается с учетом того, что методы науки, ее язык и даже теоретическое содержание являются не только внутринаучными, но и социокультурными феноменами. Данный факт учитывается при решении перечисленных проблем, когда это необходимо. Повторять же это все время и по каждому поводу, на мой взгляд, излишне. Наука, конечно же, имеет социальную природу, ее делают люди. Но люди создают и мифы, и искусство, и религию. Это тоже социальные явления. Есть ли что-либо, что отличает науку от всех других подсистем культуры? На мой взгляд, есть. Это ее способность добывать хотя бы относительно истинное знание о мире. (Думаю, что так считает и И. Т. Касавин.) И именно поэтому чисто социологический анализ науки сам по себе недостаточен: для того чтобы понять природу науки, он должен быть дополнен данными эпистемологического анализа (рада, что Н. И. Мартишина солидарна со мной в этом).

Блур и Барнс думают иначе. Следует учесть, однако, что представлены не просто разные мнения; адекватность каждого из них реальной научной практике нужно *доказывать*. И не просто на словах, декларируя возможность сведения когнитивного к социальному, а демонстрируя это на конкретных реконструкциях материала истории естественных и/или гуманитарных наук. У Блура и Барнса это не получается, на что указывают их многочисленные оппоненты. Уверена, что и не получится: сам материал науки оказывает сопротивление. (Рада, что Н. И. Мартишина разделяет эту точку зрения.) Мы не можем не принимать во внимание проблемы самой науки и искать причины смены парадигм научного мышления только в социальных факторах (вот это как раз и было бы воплощением тезиса о социальной *детерминированности* научного познания).

Жизненный мир Э. Гуссерля как источник любого научного знания (Н. М. Смирнова) это, *в общем*, верно. Но хорошо бы показать, как, например, можно было извлечь из жизненного мира теоретические принципы и идеализированные объекты квантовой теории. Непосредственно их там просто нет. Объекты микромира не наблюдаемы, а принципы противоречат здравому смыслу обыденного сознания. Так что конструктивную роль жизненного мира не так-то просто обосновать.

На этом я и остановлюсь, иначе рискую нарушить обещание быть краткой. Благодарю всех, кто прочитал мою статью и принял участие в ее обсуждении. Рада, что статья вызвала споры, ведь только в них и рождается истина.